

ТАТЬЯНА ФОРШ

Как стать Фениксом

Феникс

Татьяна Форш
Как стать Фениксом

2017

Форш Т. А.

Как стать Фениксом / Т. А. Форш — 2017 — (Феникс)

С муженьком своим я наконец-то разобралась, кто таков, как зовут, не будь я Василисой из рода Премудрых. И даже умудрилась его найти, но надо же было так случиться, что на самом интересном месте, у моего разлюбезного супружника обнаружился враг! Да ни какой-нибудь, а кровный. Который, страсть как, хочет лишить Никиту всего, в том числе и жизни! Но! Пардон! За какие прегрешения, и зачем начинать с меня??? Эх, придется и тут разруливать самой, не будь я Василиса Премудрая!

Содержание

Глава первая	5
Феникс	5
Василиса	12
Глава вторая	15
Феникс	15
Василиса	22
Глава третья	26
Феникс	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Форш

Как стать Фениксом

Глава первая

Феникс

Как странно... Иногда наступает такой момент, что, кажется, будто ты исходишь криком, крушишь и ломаешь все вокруг, стремясь в разрушении растворить боль и ненависть к самому себе, но внезапно понимаешь, что ты просто стоишь, глядя в пустоту. Вселенная рушится в твоём сердце, а окружающий мир холодно и беспощадно наблюдает за этой агонией.

– Не-е-е-ет! – кажется, что вопль оглушит весь мир, но из перекошенного рта, не раздается ни звука. Руки ловят пустоту, тянутся остановить врага, покусившегося на самое святое – любимую! Но в громадной усыпальнице уже никого нет. Пепельный забрал Василису в Лихомань, умирающий мир, который когда-то был моим домом. Он знал, что ради нее, я исполню любое желание и приду. Но не умереть, а завершить начатое. Приду, чтобы навсегда поменяться с ним не только ликом, но и самой сущностью.

Надо же, какая всепоглощающая ненависть, что даже хочется склонить голову и как в дешевом театре крикнуть – «браво»! Наверное, во всех мирах ценности неизменны. Что может быть ценнее любви и ее близнеца – ненависти?

Лишь бы он не причинил вреда Василисе!

От такой мысли я чуть не надавал себе тумаков, заставляя переполнявшее меня отчаяние заползти в самый темный уголок души. Да что это я? Пепельный не причинит вреда Василисе. Ему нужен я, и только я. И он знает, что я обязательно приду. Только, я должен прийти подготовленным. Я должен выиграть это сражение, а для начала выбраться отсюда.

С трудом отведя взгляд от исполинской короны, где еще секунду назад билась в путях врага любимая, я решительно произнес:

– Встань передо мной, как лист перед травой!

– Опаньки! Каким ветром? – перед носом тут же замельтешила крошечная мушка, с каждым кругом становясь все больше и больше, пока не выросла в горбатую, ушастую, зубастую пони. – Не уж-то сам! Добровольно?!

– Горбылка! Помоги мне! – Говорить такого не хотелось, особенно этой горбатой ехидне, но что делать? Выбираться как-то надо! Клубок, что дали ведьмы – не работает. Может всему виной местный климат? Влажность, перебор призраков на квадратный метр? Короче, как говорит Василек – «песец – зверь непредсказуемый и неизбежный!» Или это Борька говорит?

– Во, блин, припекло! Как на курорте в клетке отдыхать – не помню, не знаю.... А тут враз память включилась? Помнишь, как меня зовут, как помощь попросить?

Эх, а может, надо было подкоп сделать? Куда-нибудь бы да выкопался годика через два. Зато не слушал бы сейчас эту наглую зверюгу....

– Короче...

– Еще и командует.... – Восхитилась Горбылка так, словно я был от рождения немым и вдруг затянул пахабные частушки. – Так чего от меня надобно-то?

– Хочу оказаться рядом с привратником царства Мертвых! – отчеканил я и уточнил. – Перенеси меня к Ворону.

– И на кой ляд тебе сдалась эта птичья башка? – презрительно поморщилась кобылка. – Может лучше сразу к Василисе?

– Я, кажется, просил у тебя помощи, а не совета! – Так! Пора прекращать диалог. Видно же, что весь этот фарс от скуки одной горбатой особы, и не несет ничего, кроме потери времени, которого и без того мало!

– Фу ты, ну ты, лапти гнуты! – Обиженно фыркнула она, и кивнула себе на спину. – Ну, садись.

Меня не надо было долго упрашивать. Вмиг удобно расположился между горбов и скомандовал.

– Поехали!

К сожалению, меня никто не предупреждал, что заявлять ей это в таком тоне, категорически запрещено.

– Точно? Готов? Тогда держись! – Ласково пропела горбатая бестия, и пока я искал взглядом, за что можно было бы подержаться, ушла в крутое пике.

Не придумав ничего нового, я успел вцепиться ей в уши, заманчиво болтающиеся по ветру, и на всякий случай закрыл глаза. Ёпрст....

К счастью, полет закончился едва начавшись. Стих ураганный ветер, и стремительное падение, только не стихла Горбылка, костеря меня почему зря.

– Твою ж... маму... да в хоровод... Захребетник! Склеротик! Руки убери! Я, между прочим, девушка приличная, а ты меня, как последнюю ослицу – за уши!!! Руки – я сказала!

Я несколько секунд растерянно сидел оглушенный полетом и возмущенными воплями, недоумевая – чего она брыкается? Пока до меня не дошло.

Уши!

Во время полета я стиснул их на манер узды, для верности закрутив вокруг запястий.

– Прости! Не хотел! – Я поспешно разжал руки, спрыгнул на каменный пол и даже отступил от угрожающе скалившейся зверюги. Наткнулся спиной на что-то холодное, остановился, и не понятно с чего принялся оправдываться: – Ты сама сказала держаться. А за что? На тебе же уздечки-то нет!

– За воздух зубами – умник! – Еще больше возмутилась она, и многозначительно покрутив передним копытом у виска, с хлопком исчезла.

– Зараза! – Не выдержал я.

– Полностью согласен! Вот и пойми, разбери этих женщин! – Вдруг раздалось над ухом. Поддавшись инстинкту самосохранения, я сначала отпрыгнул подальше от таинственного философа, а уже потом обернулся.

ТЬфу ты!

– Ворон!

– Давно не виделись! – Привратник повернул голову, разглядывая меня одним глазом. – Нашел книженцию-то?

– Нашел.... Вот, только, не прочитал...

– А девица где?

– Не девица, а моя жена! – поправил я. Получилось надменно и угрожающе.

– Одно другому – не помеха! – Парировал Ворон, и пару раз даже каркнул, явно довольный шуткой.

– Угу. Сам шучу, сам смеюсь – вот какой я весельчак! – Меня начали доставать эти бессмысленные разговоры. – Давай лучше о деле?

– А жена, это не дело? Это хобби? – Хрюкнул этот шут гороховый, взглянул на мою каменную физиономию и тут же посерьезнел. – Понял. Отстал. Если помощь какая нужна – только каркни!

– Каркну в свое время! – Пообещал я, и попросил. – А сейчас мне нужно чтобы ты собрал и отдал мне кости того парня, что охранял книгу. Хочу его похоронить. Он достоин покоя за все то, что ему довелось пережить!

– Если хочешь его отблагодарить – лучше не хорони, а воскреси! Жизнь – самый лучший подарок!

От такого совета я лишь развел руками.

– Но... я не умею... – И отчего-то даже почувствовал себя неучем. Хотя как такому научишься? Ведь воскрешать могут только боги!

– Умеешь. Должен уметь! – возразил Ворон и тут же пошел на попятную. – А может, и не умеешь! Или не знал, да еще и забыл...? Короче, я понял. Все черную работу делать мне. Но ты это заслужил. Ты меня накормил! Принес оччень вкусную монетку.... – И без перехода взвыл. – Восстань синим пламенем, пылью ковыльною, стань радужным знаменем, жизнью двужильною! Восста-а-а-ань!

Я даже вздрогнул, когда рядом со мной появилась фигура в белом одеянии. А ведь ждал же нечто подобное! Шелохнувшись, точно от дуновения ветра, призрак постепенно начал приобретал формы, черты, и вскоре я, открыв рот, смотрел на самого, что ни на есть живого Веха.

– Захар?

Парень распахнул глаза. Непонимающе огляделся но, заметив Ворона, тут же повалился на колени.

– Прошу! Отпустите! Я уйду и не вернусь! Я не хотел беспокоить ваш покой!

– Вот почему каждый раз одно и то же! – проворчал тот с пьедестала, пренебрежительно разглядывая парня. – Последнее переживание перед смертью всегда самое яркое....

И скомандовал мне.

– Забирай, пока я не передумал! Мне такие вежливые, да почтительные оччень даже нужны! Можно сказать, от сердца отрываю!

Было бы сказано!

Я подошел к бедолаге и помог подняться.

– Пойдем. Живым тут не место.

– Живым? Я что – живой? – Он мне не поверил. Пришлось бы мне убеждать его целую вечность, если бы не привратник.

– Ну, хочешь, проверим? Иди сюда. Я сверну тебе шею, и если ты ничего не почувствуешь, значит, мы пошутили!

– Что?! Нет! – Парень вцепился в меня, ища защиту. – Я тебя знаю! Прошу, спаси меня!

– Уже спас! – Я посмотрел на него и попросил. – А теперь, просто помолчи!

– А если мою проверку не жалуешь, – обрадовался привратник, – значит, просто пове-ришь в то, что ты живой, и вместе со спасителем тихо свалишь отсюда. Но сперва покля-нись, что впредь будешь книги не хранить, а читать. Самое лучшее хранилище, такого рода артефактам – тут! – Ворон постучал себя когтем по голове. Получился сухой стук. Точно по деревяшке.

– Это точно! – Согласился я.

– Прощай, Златокрылый! – Ворон поднял ладонь. В ответ, я только кивнул, глядя, как гаснут его глаза, становясь обычными самоцветами, взял за руку спасенного Веха и, точно маленького, повел прочь.

Наверх.

В мир живых!

К счастью в оранжерее никого не оказалось. Не то Афон решил забыть о друзьях-неудачниках, не то Яллар все правильно поняла, и на мою просьбу не вмешиваться – не вмешалась.

Сейчас главное сбежать до того, как с первыми лучами зари начнет просыпаться дворец. Если нас поймают здесь, то упекут в тюрьму как вандалов. А что еще можно подумать, глядя на разбитую в гальку каменную вазу, на цветы, медленно увядающие на мраморной дорожке, и на двух бродяг неспособных связать ни слова? Одного уродливого, как тьма, явно с какой-то неизлечимой болезнью, а второго блаженного.

Впрочем, может мне только кажется, что все выглядит именно так? Но с другой стороны, какими еще возвращаются в мир живых из мира мертвых?

И все же нам стоит поторопиться!

Я крутанул в разные стороны клубочек, подарок красавицы-ведьмы, и тут же увидел комнату в караван-сараях, из которой мы совсем недавно с боем сбежали. Смятая кровать и подушки заставили сердце болезненно сжаться. Кулаки стиснулись сами собой, заныли костяшки, что удостоились чести сбить спесь с Пепельного. Если бы знал, что все так получится, еще бы и усилил удар магией. Чтобы этот прожаренный гад проспал до утра!

Эх, как было бы здорово.... И Василиса сейчас была бы рядом!

Ладно! Хватит ныть! Надо идти.

Только оставлю послание Яллар и Афону.

Прошептав заклинание, я старательно вывел прямо в воздухе: «Спасибо за все! Будьте счастливы и прощайте».

Яллар увидит. Да и Афон, думаю, тоже!

Затем легонько подтолкнул в портал Веха, и шагнул сам. Оказавшись в комнате, спрятал клубок в карман, и... у меня не осталось сил. Я рухнул на пол как подкошенный, лишь успел заметить испуганные глаза Захара, и меня поглотила тьма.

Не знаю, сколько я провалился в «законном отдыхе», отбиваясь от живущих в темноте моего разума демонов, но когда очнулся, Веха по-прежнему сидел рядом, одетый уже не в балахон, а в приличную одежду, и даже с наваленной на голове чалмой.

Заметив, что я открыл глаза, он сразу же торопливо заговорил.

– Приходил черный великан! Сказал, что у нас час на сборы. Я попросил его об услуге, и он мне помог.... – Захар сдвинулся в бок, открывая мне на обозрение два объемных мешка, поджидавших нас у двери. – Там провизия и сменная одежда. Он еще сказал, что жеребец твой готов и будет ждать нас у входа в караван-сарай. А еще, на оставшиеся деньги он даст нам с огромной скидкой арабского скакуна.

– Замечательно! – Я рывком поднялся и постоял, прислушиваясь к ощущениям. Голова больше не кружилась. Да и болезненной слабости не было. – Пора идти!

Мы надели рюкзаки, но прежде чем шагнуть за порог, я посмотрел на Захара.

– Из тебя получится хороший попутчик! Находчивый и преданный.

– Спасибо. Всегда таким был, – скромно согласился он, и посетовал. – Знать бы еще, куда мы направляемся...

– Для начала прочь из Египетского царства. А дальше видно будет.

Миновав расписанную золотом лестницу, мы вышли в холл. Я огляделся. Точно в церкви в будний день: мрачно, пусто и темно. Хотя, вру! Не пусто!

Едва мы подошли к входной двери, как из темноты соткалась фигура и шагнула нам навстречу.

– Уже уходите, господин?

Ифрит! Давно я не встречал этот вымирающий вид пустынных колдунов.

– К несчастью – дела! – Я поправил капюшон, натянув его так, что он полностью скрыл мое лицо. Если номер снимал Пепельный, значит для всех надо им и оставаться. А фигура и рост у нас с ним одинаковые.

– Вот и тот, второй, точно так же сказал, когда уходил... – буркнул Ифрит, распахивая перед нами дверь.

– Второй? – Я даже забылся. Поднял голову, чтобы заглянуть в его глаза и капюшон предательски упал на плечи. Но хозяин постоянного двора не удивился, увидев перед собой не русоволосого красавца, а какую-то, прости господи, образину! Ладно! Тогда и я дергаться не буду. Капюшон подождет, еще нахожусь в нем!

– Именно, мой господин. – Ифрит улыбнулся, продемонстрировав отличные белые зубы и довольно немаленькие клыки. – Не волнуйтесь за свою внешность. Мы видим суть. Оболочка нас не интересует.

– Точно! – Я даже хлопнул себя по лбу и... задумался. А чего – «точно»? Правильно Ворон сказал – не знал, да еще и забыл!

Видимо, у меня не лице отобразился весь этот моно-диалог. Ифрит посмотрел на меня так, как смотрят на потерявшегося ребенка и заявил.

– Видать, правда, все то, что о вас говорят, господин. Забыть себя – очень больно. Но не найти себя – большее вдвойне.

– Ты знаешь, кто я такой?

– Печальнее всего то, что вы не знаете, кто такой я... – Ифрит подошел и сунул мне в руку не то бусы, не то четки и напоследок выдал. – Если понадобится – лишь позовите! А теперь уходите. Моя жена проводит вас.

– Пойдемте, господин. – Возле нас лисицей тут же завертелась девушка.

И вот что удивительно – она тоже не испугалась меня! Но я все же решил не испытывать судьбу и натянул капюшон. Мой враг – фигура известная в этом мире! Еще какой-нибудь дурак возжелает свести счеты, объясняй потом, что я – не Пепельный! Хотя и наслышан о своей мифической неуязвимости, причем от него же самого, но проверять – выживу ли я с отрубленной башкой, как-то пока не хочется!

Тем временем Ифрит, решив, что долгие проводы – лишние слезы, исчез, а мы с Захаром потопали вслед за нашей юной проводницей на задний двор, где нас действительно поджидали два жеребца. Причем, по одному из них я истосковался до одури!

– Борька! – Забыв обо всем, я кинулся к рыжику. – Как же я соскучился!

Тот удивленно обернулся, но увидев – КТО по нему сучает, выпучил глаза и, брыкаясь как ненормальный, понес какую-то ахинею:

– Чур, меня! Сгинь! Аллилуйя! Ой! То есть в сад, все в сад! Изыди! Светлые ангелы, да не оставьте нас без милости своей, без защиты и помощи! Пе...сец! Ой, то есть – Аминь!

– Ну, пожалуй, я с вами тут и попрощаюсь! – Поспешно вклинилась девушка в «сам-издатовскую» молитву коняги. Поглядывая на Борьку, явно опасаясь, как бы тот не сорвался, и всех «на фиг не покусал», она бочком скрылась за углом здания.

– Борька, это же я! Ник! – Попробовал я утихомирить жеребца, но не тут-то было. Истерика пошла по второму кругу.

– Ха-ха! Три раза! Ты себя в зеркале-то видел, морда обгорелая? Ник совсем другой и ничуть на тебя не похож! Красавчик – метра два ростом! Плечи – во! Ноги – во! Ну, и везде тоже, наверное – во! Умный! Сильный! Почти что, Бог! Блондин!

– Почти что блондин, или почти что Бог? Я не уловил! – невозмутимо поинтересовался я, и украдкой, шаг за шагом, принялся подбираться к нему ближе. К моему счастью, Борька с радостью заглотил наживку, и мой маневр даже не заметил.

– А тебе-то что? Завидуешь? Лысая башка, дай пирожка! Не чета тебе, устрица жареная! Козьявка кривобокая! – Одно радуется, вопить он стал тише, видимо, уже порядком наоравшись.

– На себя посмотри! Рыжий – бесстыжий! Сам ты, кривобокий! Забыл, кто тебя спасал? Из «бронированного курапука» в нормального жеребца превращал? Знал бы, что ты такая

сволочь неблагодарная, даже палец о палец бы не ударил! Волчья сыть – травяной мешок! И, в братовья бы, к себе ни за что не записал!

– Ну-ка повтори, что ты сказал? – Борька вдруг перестал брыкаться, и теперь не сводил с меня глаз, жадно втягивая воздух. – Что ты об этом знаешь?

– Кто знает – не говорит, кто говорит – не знает!

– Песец подкрался незаметно-о-о! – Вдруг протянул рыжик, задумчиво пожевал веревку, которой был привязан к изгороди. Затем выплюнул обгрызенный конец и снова спросил. – Че, реально? Никита?

– Наконец-то! – Искренне обрадовался я. Действительно, уже хотелось побыстрее и подальше отсюда сбежать. Поэтому, мне совершенно не улыбалась перспектива проверки собственной подлинности и долгих уговоров жеребца.

Но Борька, все же, решил так просто не сдаваться.

– А чем докажешь? – хитро прищурился он.

– Да спрашивай, о чем хочешь! – устало буркнул я и с завистью посмотрел на Захара. Он, как белый человек, уже удобно устроился на невозмутимом и таком же белом жеребце, и теперь с интересом прислушивался к нашей беседе. Причем, ничуть не удивляясь такой бурной болтливости моего непарнокопытного. А может, после царства мертвых его теперь мало чем можно удивить?

– А вот и спрошу! – Борька ненадолго задумался, и коварно выдал. – На каком рынке и за сколько ты меня купил?

– Ты чего, вместо овса – мака клюнул? – Нет, я, конечно, был готов ко всему, но не к этому! Даже первые секунд тридцать действительно пытался вспомнить все подробности сего памятного момента. – Ты же Василисе был подарен еще жеребенком!

– И это правильный ответ! – Борька от восторга даже щелкнул зубами, и тут же подозрительно прищурился. – А откуда ты об этом знаешь?

Вот же вредная скотина!

– От верблюда! – не удержался я. – Лучше скажи, как ты снова говорить начал?

– От верблюда? – Он сосредоточенно почесал копытом нос. – От же зараза! Так и знал, что меня кто-нибудь из этих двугорбых сдаст! И кому? Эх.... А? Ты чего-то спросил? Как говорить начал? В первый раз или во второй?

– Про то, как ты нажрался говорливой лебеды – я знаю.

– Значит, во второй... – подытожила эта рыжая бестия и показала мне язык. – А не работала твоя магия.... Выкуси! – И грозно заржал. – Теперь говори – где Василиса? Хозяйка моя где, я спрашиваю?

Мне все это стало надоедать.

– Короче, так! Или ты перестаешь валять передо мной дурачка, и мы едем спасать Василису, или я продам тебя Ифриту, а он очень любит кровушки попить. И это не метафора. На счет три, я его громко зову. Раз... Два...

– Ники-и-итушка! Дорогой! Как же я по тебе скучал! – Борька секундой позже уже стоял передо мной, как незабвенная Горбылка в ее лучшие годы, то есть как лист перед травой. – Ой, а рожато у тебя.... Во сне приснишься – матрасом не отмахаться! А все походы, голод, вши...

– На себя посмотри! – Я повесил мешок с припасами на излучину седла и наконец-то запрыгнул на конягу.

– А ты в курсе, что Василек любит красивых? – Подколол напоследок он и наивно попросил. – Ты бы снова стал таким как прежде? Что за маскарад? Вчера такой, сегодня – кривой!

– Давай, я тебе по дороге все объясню? – Я тронул уздечку, направляя Борьку к открытым воротам, и тут же позади услышал послушный стук копыт. – Захар не отставай, но если

захочешь отстать и выбрать свой путь – пожалуйста. Знай – это твоя жизнь, и ты мне ничем не обязан!

– Я знаю! – невозмутимо донеслось в ответ. – Но если позволишь, я разделю с тобой твой путь. Пока не найду свой.

Философ, блин!

Василиса

В замке Пепельного.

– Гад паршивый! Козел! Предатель! Ненавижу ненавижу ненавижу! – Чувствуя, что уже охрипла визжать все это битый час в безмолвную дверь, я прокашлялась и наконец-то огляделась. Комната, в которую меня привел этот коз... гм, Пепельный, была не просто большой, а огромной! Чистая, красивая, богато обставленная, она напоминала мне одну из залов папенькиного дворца.

Хм... уж не в свой ли дворец он меня притащил? Впрочем, чему я удивляюсь? Не в тюрьму же ему меня сажать!

Сам виноват! Я в гости не напрашивалась! Хотя... зная его – мог и в тюрьму запереть!

Эх.... Вот и что у меня за судьбинушка? Ни счастья, ни любви, ни... Да чего там! Вообще ничего нет! Интересно, а что ему от нас надо? Ведь не просто же так он все это делает? Как он там сказал напоследок Никите? Придешь сам, чтобы закончить начатое?

Вот бы разузнать все! А может, Никите получится отсюда помочь?

Интересно, а почему окна завешаны? Сейчас что – ночь?

Я направилась к гобеленам, на которых были изображены то какие-то эпические события, то прекрасные озера, леса и цветы. На одном и вовсе я увидела черноволосого мужчину, рядом с ним рыжеволосую женщину, а над ними четыре ярких птицы.

Красиво!

Ах, как же домой хочется! Даже Мафане бы все простила, лишь бы попасть в свою горенку! Лишь бы ни о чем не волноваться, ничего не бояться и не ждать ничего плохого! И Никитушку бы под бок...

Эх....

Приподняв гобелен, я разочарованно полюбовалась на каменную кладку. Неужели Пепельный так предсказуем? А я еще удивилась такому несказанному благородству. Ан нет! Подвал и никаких гвоздей!

– Гад ползучий! Ненавижу! – Я отпустила гобелен и направилась к огромной кровати. Зачем столько и мне одной? Эх... сердце снова сжалось, а память подсунула сегодняшнюю ночь.

Вот почему, едва почувствуешь себя любимой и желанной, сразу придет какой-то урод и все испортит! Ну, только покажись! Я тебе устрою!

Плюхнувшись на кровать, я разметала руки и закрыла глаза. Ну, хоть мягкая!

Интересно, а меня кормить будут? Или это уже доп-услуга? Ну, типа если кровать мягкая – то еда по праздникам! А уборная тут имеется? Хотя, если кормить не будут – вполне логично – нафиг мне уборная?

Словно в ответ на мои мысли в замке заворочался ключ. Я подскочила на кровати, огляделась, но, не придумав куда спрятаться, просто залезла под одеяло, и замаскировалась подушками. Аккуратно выглянув из-за этой баррикады, я уставилась на медленно открывающуюся дверь.

В комнату, пятясь задом и что-то бурча под нос, протиснулся невысокого роста лохматый бородач. Развернулся и растерянно огляделся. Я сглотнула слюнки, гипнотизируя огромный поднос, с уставленными на нем яствами и фруктами.

– Девонька... а ты де?

Вот интересно, он спрашивает это, потому что общительный, или потому что ему приказали за мной следить?

Наверное, надо ответить. В конце концов, хотя бы разузнаю обстановку.

– Туточки я... дяденька. – Я откинула подушки и выбралась из-под одеяла. Оглядев седоволосого, морщинистого бородача, я решила, что с дяденькой переборщила, и поправи-
лась. – Дедушка....

– Какой я тебе, дедушка? – опешил гость. – Я домовой этого замка! И в грехе твоего рождения я не участвовал! Я всех своих деток знаю, между прочим...

Мне показалось или он покраснел? И сомнение в голосе я точно услышала. Впрочем, это его проблемы.

– Да я иносказательно! Извиняюсь, ежели обидела. Честно – не хотела!

– Обижалка не отросла! – буркнул тот и поставил поднос на кровать. – Кушать будешь или как?

– Нет, я воздухом питаюсь! – Не удержалась я от колкости, подтянула к себе поднос и, выломав ножку из прожаренной куриной тушки, жадно впила зубами в нежное, истекающее соком мясо. А когда первый голод утих, поинтересовалась, глядя на умильно посматривающего на меня старичка. – А вы, правда, домовой? А так и не скажешь!

– Нет, леший! – возмутился бородач. – Девонька, ты вообще откуда такая взялась? Не умеешь отличать домового от не домового?

– Из Лукоморья, – бесхитростно сообщила я. – Василиса из рода Премудрых, я.

С домовым, после моих слов, отчего-то сделалось худо. Он вытаращил глаза, и вдруг бухнулся мне в ноги.

– Василисушка! Родная ты наша! Да как же... Да что же... Да как же он посмел?

– Эй! Да вы чего, дедушка? – Я бросилась его поднимать.

– Для тебя, хоть бабушка! – смахнул он непрошенные слезинки. Подозрительно оглядев шивших по сторонам, вдруг что-то зашептал. Достал из необъятных штанов темный мешочек, и старательно обсыпал себя и меня каким-то порошком. – Это чтобы злыдень нас не подслушал. Нечего ему знать больше, чем положено!

– Злыдень – это Пепельный? – утвердительно спросила я.

– Точно! Он самый! – закивал бородач и торопливо заговорил. – Я – Василий. И верноподданный Златокрылого! Со мной ты можешь не бояться ничего! Ежели надо и советом помогу и шепотками. А коли совсем трудно станет – попытаюсь тебя отсюда умыкнуть. Но не сейчас! – поспешно остановил он мой благодарственный порыв. – Надо сперва узнать, зачем ты ему, что он задумал сделать с Никитушкой, а уж после одним махом и обрубить на корню его злыденские планы!

– Так вы Никиту знаете? – обрадовалась я. – Значит, вы помогали ему, когда он был в плену?

– Я Никитушку с пеленок поднимал! И сестриц его! – Василий снова утер слезы и тяжело вздохнул. – Еще до того, как этот Пепельный к нам пожаловал...

– Так! Стоп! – Я старательно подержалась за голову, пытаясь переварить поток вылившейся на меня информации. – Как с пеленок? Вы что знали его младенцем? А как попали в царство Пепельного?

– Так местный я. Тутошний! – улыбнулся домовой. – Еще при родителях его тут поселился, да так и служу!

– Местный? Родители? – Нет, ну это уже ни в какие ворота! – Выходит и Никита тоже местный?

– Повелитель он наш, единственный и самый лучший! – обрадовано закивал Василий. – Сестрицы его тоже дюже мудрыми были, но, то ж, все равно бабы! Однажды попался наш Златокрылый на ложь Пепельного, и вот теперь мыкается без дома, без памяти....

– Ладно, с сестрицами потом разберемся. – Я, от таких откровений, даже забыла про голод. – Из всего вышесказанного, я поняла вот что. Никита – правитель этой Тьмутаракани? Его как-то обманул Пепельный и отнял трон?

– Он отнял не только трон! – Домовой поднялся с кровати. – Он провел над ним какой-то черный обряд и забрал его силу и память! Но Никита сбежал. Пепельный потом нашел его в вашем мире, вернул сюда и забрал у Златокрылого его внешность! Теперь остался последний обряд, и Пепельный полностью переродится в Феникса... И мир примет его...

– И тогда всем наступит конец! – закончила я за домового и хлопнула себя по лбу. – Точно.... Перед тем как забрать меня с собой, Пепельный сказал Никите, что тот должен сам, добровольно вернуться, чтобы закончить начатое.... И тогда Пепельный отпустит меня.

– Вот-вот! О чем и речь! – оживился Василий. – А ведь Никитушка придет! Ради тебя, единственная, он готов на все! Даже стать тем, кем был Пепельный, когда попал в наш мир....

– А кем он был? – насторожилась я, но домовый не стал отвечать. Он поспешно вскочил, сделал страшные глаза, замахал на меня руками и, оставив поднос со снедью, торопливо посеменил к двери. Едва он подошел к ней, как она распахнулась, и в комнату шагнул Пепельный.

Глава вторая

Феникс

– Ну и долго мы будем под этим ненашенским солнцем слепней кормить? – остановился Борька, когда городская стена скрылась из виду. – Куда тебя в очередной раз понесло? А, мил друг?

– К Мафане! – признался я, чем заставил Борьку взбрыкнуть.

– Не-не-не! Я к этой ведьме с маниакально-агрессивным психозом не поеду! Чтобы она из меня какого-нибудь крокодила с перышками нарисовала?

– Не нарисует! – успокоил я его, но тут насторожился Захар.

– Мафания? Марфа Премудрая?

– Точно. – Я взглянул на него. Парень покачивался в седле и как будто спал, настолько расслабленной была его поза. – Или ты тоже имеешь что-то против этого визита?

– Мафания была другом, как тебе, так и мне, – хмыкнул попутчик. – Возможно, она изменилась, за то время пока я ее не видел, но я бы не отказался с ней встретиться.

– Эх, подведете вы меня под монастырь, причем женский! – вздохнул жеребец и решил надавить на совесть. – Если она снова лишит меня дара речи, обещайте не бросать на погибель!

– Не лишит! – Рискнул предположить я. – Боюсь, что Василиса ей этого не простит, и она это знает, поэтому, так рисковать не станет!

– Ага! Знает! Ты не в курсе, что она учудила в последний раз! – продолжал сгущать краски Борька. – Напугала Ваську до такой степени, что та, в чем мать родила, сбежала из дома, причем призвав на помощь кобылку-горбылку!

И вправду странно... Что такое между ними могло произойти? У кого бы узнать...

– Афон в курсе. Только, ты его где-то потерял! – прочел мои мысли коняга, и обреченно замолчал.

– Афон, говоришь.... – Я покусал губы. Знал бы...

– Кстати, ты обещал рассказать, отчего стал страшнее войны, а Пепельный превратился в красавца? – сменил тему Борька.

– Ты сам ответил на этот вопрос, – криво усмехнулся я. – Не находишь связи?

Борька даже остановился.

– Чую без страшного колдовства здесь не обошлось.

– Точно! – Я потрепал его по холке и спешился. – Чтобы не терять времени даром, предлагаю воспользоваться одной замечательной вещью.

Достал из мешка клубочек и задумчиво повертел в руках, пытаясь представить замок короля Еремея.

– Какой интересный артефакт... – заинтересовался клубочком Захар. – Никогда не видел такого перехода!

– Это переход открытого пути, – пояснил я, и крутанул шарик. – Сам выбирает короткую дорогу. Достаточно лишь увидеть конечную цель. Или представить...

– Значит, нам... туда? – Захар всмотрелся в проявляющиеся в знойном воздухе шпили царского дворца.

– Именно... – Я нахмурился, разглядывая стоявший у дворца народ. Кто с вилами, кто с топорами.

– Кажется в государстве Еремея переворот! – вставил веское слово Борька и решил. – Ну, раз надо, так надо! Пошли! Чего стоим – боимся?

Сказано-сделано!

Глубоко вдохнув, я первым шагнул в переход, держа Борьку за уздечку. Выйдя, мы оказались шагах в пятидесяти позади разгоряченной толпы. А когда появился Захар на жеребце, переход тут же закрылся, отрезая нам путь к отступлению.

До меня докатился гул возбужденных голосов, сквозь который пробивались угрожающие выкрики: «Спасем принцессу Василису!» и «Пепельного на мыло!».

– Ой, а чего это они там такого страшного орут? – насторожился Борька, наострив уши. – Ник, нам к ним ну никак низзя! Нахрена ты мне в виде мыла нужен?

Я натянул капюшон на глаза.

– Может, не узнают? Скажем, бродяги... Пепельного-то мало кто из простых смертных видел.

– Угу! А то по особым приметам не отличат! – «успокоил» конь, так насмешливо фыркнув, что я даже не стал спорить.

– А у меня идея! – оживился Захар. – Вы обойдите дворец. Если мне не изменяет память, с той стороны – конюшни, и там можно укрыться. А я найду Мафаню и вернусь к вам вместе с ней.

– А чего? Идея! – согласился Борька и уже собрался развернуться, чтобы начать воплощать в жизнь план Захара, как тут позади раздались зычные вопли.

– Стой! Кто такие?

– А ну-ка, руки за голову! – Для убедительности мне в спину ощутимо ткнулись зубцы вил. – А ты, на белом коне? Чего сидишь? Быстро спешил и медленно развернулся!

Захар замер, но приказа послушаться не посмел, скатился по боку жеребца на землю, и... бросился бежать.

– Помни, что ты должен сделать! – выпалил я ему вдогонку, затем скинул капюшон, развернулся к двум бородачам-стражникам и, глядя на их побелевшие лица, мило улыбнулся. – Мое почтение. А мы вот забрели в ваше негостеприимное царство, чтобы лично засвидетельствовать уважение государю и Марфе Премудрой. Не проводите ли во дворец?

Какое-то время стражники пялились на меня разинув рты, затем в их воспаленном мозгу что-то щелкнуло.

– Пепельный! Здесь Пепельный! – срываясь на фальцет, завопил один и бросился бежать.

Второй, вспомнив, что у него есть вилы, хотел пришить меня к Борькиному боку, но тот, почуяв неладное, так врезал ему копытом в лоб, что бедняга закатил глаза и без звука рухнул на землю. Вилы брякнули рядом.

Вопли стражника были услышаны. Скандирующая толпа на мгновение замолчала. Все развернулось в мою сторону и, взревев как стадо бешеных быков, бросилось к нам.

Я не стал терять времени даром, взлетел в седло и, гикнув, понесся на них, невольно сотворяя над головой жгут небольшого, но устрашающего смерча. Мужики явно не ожидали такого. Первые неуверенно остановились, разглядывая «великое колдунство», а те, кто бежал последними, развернулись, и, не дожидаясь встречи с обгорелым маньяком, с не меньшей скоростью бросились назад, к воротам дворца.

– Ну ты, блин, даешь! – выпалил Борька, когда я наконец натянул поводья, разглядывая жмущуюся к воротам армию. Кто-то изо всех сил колотил в деревянные брусья, кто-то, не сводя с меня глаз, неистово бормотал молитвы, а кто был потрусливей, уже лезли на высокий забор.

– Даю! А что делать-то? – Я успокаивающе потрепал его по холке. – Зачем хороших людей заставлять за собой бегать?

– Ну да! – фыркнул рыжик. – Гораздо лучше заставить их бегать от себя! И чего ты теперь с ними будешь делать?

– Для начала поговорим! – Я сделал движение, будто сматываю веревку, и кольца смерча над моей головой исчезли. Затем рывкнул. – Я хочу видеть Марфу Премудрую!

– Дык, не вопрос! Увидишь, когда ворота откроет! – вкнут еще совсем юношеский голосок, и тут же потонул в поднявшемся шуме. Наконец, вперед вышел плечистый дядька с остроконечным шлемом на седых волосах. Провел ладонью по длинной бороде и забасил.

– Чего тебе, вражина, надо в наших краях? Умыкнул Василису, а теперь еще и Мафаню ему подавай?

– Сам ты – вражина! – обиделся я. – Василису мне в законные жены отдали, а теперь еще чем-то недовольны? А с Марфой мне надо поговорить! – И тут меня понесло. От Борьки что ли нахватался? – Что я, не имею права к теще приехать? Так сказать на блины? Веселые старты тут устроили! Как маленькие, чесслово!

Мужики притихли.

– Так, в смысле... – Мужик снял шлем и старательно почесал макушку. – Ты, стало быть, законный муж принцессы?

– Стало быть! – Не стал отпираться я, радуясь такой догадливости.

– А какого... – Мой собеседник развернулся к толпе. – Братцы! Фуфел, все то, что ведьма придворная нам говорила! Чуть на войну не снарядила! Никто Ваську не похищал! Сама такого выбрала! Айда по домам! А завтра еще и неустойку за моральный ущерб требуем в виде выходного дня!

Мужики, ворча и с опаской поглядывая на меня, как-то быстро разошлись, оставив нас с Борькой стоять перед запертыми воротами.

– Мож, копытом попробовать? – помолчав, предложил тот.

– Попробуй! – согласился я, спешиваясь. А чего? Попытка не пытка!

Борьке было бы сказано!

Он подошел к воротам, развернулся задом и пару раз врезал так, что ворота затряслись... но не поддались. А если увеличить силу удара? Я представил, что у Борьки не копыта, а чугунные гири, как с первого же раза створка дверей жалобно затрещала. Еще пару ударов, и она с грохотом рухнула на царский двор, оставив скрипеть проржавевшие, изогнутые петли.

– Ого! – Борька обернулся и уставился на дело ног своих. – Да я силач! Теперь любого затоптать смогу!

– Ага! – Я не стал его разубеждать. Зачем? Чем больше уверенности в сердце, тем меньше сомнений на деле! Прошагал по вздрагивающей створке ворот, как по красной дорожке и оказался на знакомом, заросшей травкой и ромашками дворе. Борька, не дожидаясь приглашения, потрусил за мной.

У крыльца мы остановились. Я от волнения, не зная как объяснять Мафане произошедшие со мной перемены, а Борька – за компанию. Точнее травки пощипать. Дворцовая дверь распахнулась внезапно, и из нее показалась виновница моих мыслей. В расшитом золотом платье в пол, в короне и собольей накидке, она с видом королевы вышла на крыльцо и, глядя на меня сверху вниз, заговорила.

– Как ты посмел прийти сюда, Бедорлаг? Где Василиса? Я знаю, у тебя большие планы на этого ребенка, а мне нужна моя дочь в целости и сохранности! Приведи мне ее. Я сама приму дитя и передам тебе.

Ух ты! Как она там его назвала? И ведь говорит так уверенно, будто знает что-то... чего не знаю я!

В душе заворочался червячок сомнения и вскоре вырос в дракона ревности.

– Рассказывай! – Я взбежал к ней по ступеням. Она попыталась поставить между нами незримую преграду, но я ее даже не заметил. – Чьего ребенка носит Василиса?

– Так, твоего! – Марфа отступила и даже оглянулась на распахнутую дверь, но я отсекаю мечты о победе, просто махнув рукой. Дверь с треском захлопнулась. В нее тут же заколотили прибежавшие на помощь слуги. А может Еремей старается? Вряд ли такая умница как Мафания выйдет без страховки пообщаться с таким монстром... как я. От творящейся на душе бури, я даже испытал удовольствие, действительно на миг представив себя Пепельным.

– Откуда ты знаешь? – Жаль не вижу своего лица, но потому как Марфа смотрела на меня, не отводя испуганного взгляда, могу с уверенностью сказать – зрелище еще то!

– Так она сама мне сказала! Когда приезжала, – залепетала она. – Я ей предложила остаться, чтобы быть под присмотром, но она сбежала....

– Из-за чего сбежала? – Вопросы вдруг стали короткими и острыми как сталь кинжала. Марфа вдруг потупилась, пожала плечами и неискренне улыбаясь, заюлила.

– Так дура девка! Никиту своего вызволять пошла. Из твоего царства! Ну не дура ли?

– Запомни! Мое царство! И мой ребенок! И моя жена! – Ярость охватила огнем раскусок. Я вскинул руки, равнодушно заметив лижущее их пламя, не зная толи закрыть себе лицо, чтобы не видеть обезумевших от страха глаз Марфы, толи вцепиться в украшенную жемчугами шейку подруги, и наконец-то прекратить ее раблепное лепетание:

– Твоя! Конечно! Твое! Твой!

– А! Вот ты где, Никит! А я тебя ищу, – раздался за спиной голос Захара. – Чего шумишь? Привет, Марфуша! Долго я тут не был. Гляжу, у вас в чести такое бурное приветствие?

– Ни... ни... ни... Никита?! – делаясь пунцовой наконец выпалила Марфа, бесшумно сползла по стенке и закатив глаза, улеглась у моих ног, проваливаясь в спасительный обморок.

Я обернулся.

– Ты как всегда вовремя!

– Что-то не так? – участливо посмотрел на меня Веха и, не дождавшись ответа, поднялся по ступеням. Подошел к Марфе, присел рядом и взял ее руку пытаясь нащупать пульс.

– Все не так! – вздохнул я, взбежал на крыльцо, поднял Мафанию на руки, и приказал Захару. – Открывай дверь.

– Эй, а меня что, тут позабудете? – очнулся от подстрижки газона Борька.

– Нет, в королевские покои с собой возьмем! – Я шагнул к двери, но остановился на пороге от восторженного вопля этого мечтателя.

– Правда?! Давно мечтал побывать во дворце!

Шумно выдохнув, я шагнул под своды дворца, оставив Захару право сказать нашему любопытному средству передвижения горькую правду.

– Нет! Не правда! Никита изволил пошутить. А на твой первый вопрос я отвечу так: отдыхай. На заднем дворе есть конюшня. С барышнями. Сходи туда. Развлекись. Хоть весь королевский двор засыпь яблоками...

К их диалогу я больше не прислушивался. По лестнице спускался Еремей. Увидев меня с драгоценной ношей, он крепко выругался и бросился ко мне.

– Ты что, ирод! Страх потерял? Мало того что дочку мою заграбастал, так еще и жену заграбастать хочешь?

Я огляделся и, увидев диванчик, аккуратно сложил на него Мафанию.

– Страх? Потерял! Что верно, то верно! А жена твоя сама решила отдохнуть. Я ее всего лишь перенес в более комфортные условия. – И шагнув вперед, протянул ему руку. – Привет Еремей. Давно не виделись...

Он покосился на Мафанию и смерил меня возмущенным взглядом, в котором явно читался привычный страх.

– Во-первых, царь Еремей! Во-вторых...

– Да знаю я! И откуда ты царство это взял, тоже знаю. И кем был до женитьбы на царской дочке...

– Что тебе от нас надо? – Еремей побледнел.

– Узнать то, чего НЕ знаю. Ты пока приводи в чувство Мафаню, а я тебе представлю моего спутника. – Я поманил к себе топтавшегося в сторонке Захара. Он нехотя подошел и кивнул царю.

– Мое почтение.

– И тебе не хворать! – буркнул тот, похлопывая Марфу по щекам.

– Захар... Феникс.... – простонала та, приходя в себя. Открыла глаза и, отпихнув руку Еремея, нашла меня взглядом.

– Да где ты Феникса видишь, дурында! – Возмутился тот от такой неблагодарности. Еще бы! За зря, что ли, пощечин надавал от души? Вон румянец какой, во всю щеку, и свеклы не надо.

– Да вот же он, слепой ты тупица! – Не осталась та в долгу, поднялась с дивана и, отпихнув мужа, направилась ко мне. – Никитушка, прости меня! Бес попутал! Наговорила тебе всякой бредятины от страху.

– От страху? – Я скрестил руки на груди. – А не потому, что действительно считаешь, будто Василиса носит ребенка Пепельного? Или у тебя с ним какой-то свой уговор?

Та искренне помотала головой.

– От страху! – И сделав честные глаза, закивала, повторяя будто заведенная. – От страху, от страху!

– Кстати, а почему ты решила, что такое возможно? – Я сделал вид, что не заметил ее отговорку. В сердце снова плеснула злость.

– Так... э... – Мафания пожевала губы, сопроводив это интеллектуальное занятие внимательным разглядыванием убранства зала. – Ну... Так оно....

– Никита?! – Еремей, наконец, сложил все не достающие его пониманию факты, и решил вмешаться в потуги жены.

– Он самый! – не стал я его разочаровывать.

– А чего такой... ну... – Он помахал руками, явно намекая на мой непрезентабельный вид.

– Пепельный замаскировал, да так, что даже старые знакомые не узнают.

– А Васька де? – нахмурился царь, решив все же призвать меня к ответу. – Я тебе лично ее отдал! Золотинку мою, ненаглядную! Думал, будет за тобой как за каменной стенкой, а что вышло?

– Вот вы мне и объясните, что вышло! – Нет, меня так просто не возьмешь! Или решил, что голос повысил, брови сдвинул – зять и испугался? – Почему Мафания, приняв меня за Пепельного, предложила отдать ему моего ребенка в обмен на Василису? Или я чего-то не знаю?

Еремей бросил на замершую Марфу усталый взгляд и приказал.

– Расскажи ему!

– Царь батюшка, какие-то проблемы? – У двери нарисовался стражник. Наконец-то!

И тут Еремей не выдержал.

– Это у тебя проблемы и у твоего напарника! Собирайте вещички и геть со двора! Не нужны мне такие ротозеи, которые пропускаю во дворец кого не попади!

– Так, это... Там мужики из вашей сотни у ворот собирались! Митинги устраивали! Вот мы с Митюхой и сбежали ненадолго пивка дернуть по маленькой, – простодушно выдал страж, за что и поплатился.

– Эх, мать вашу, перемать! Дернуть они решили! – Царь подхватил расписанную цветами метровую вазу, стоявшую у диванчика, и рванул за незадачливой служаккой. – Я тебе дерну! Я тебе так дерну! Все к едрене фене повыдергиваю!

Мы проводили их взглядом.

– Ладно... Пойдем... – Марфа посмотрела мне в глаза. – В библиотеке сподручно говорить.

Миновав небольшой коридор, мы шагнули в распахнутые Марфой высокие двери.

– Садитесь, гости дорогие! – Она указала на небольшой диванчик. Дождалась, пока мы с Захаром расположились, и уселась в кресло напротив. – Рассказ мой будет недолгим. Виной всему – проклятие. Оно висит над нашим родом уже очень долго. Я с малолетства знала, что в нашем роду рождаются лишь девочки и одна становится из поколения в поколение – ведьмой. Сильной ведьмой. Есть предсказание, что одна из нашего рода должна стать избранницей властелина Подземного мира и родить ему наследника, который потом захватит и Верхний мир. Об этом даже в книге Страха было написано. Захар подтвердит. Он мне сам рассказывал. Сперва я думала, что это – мой удел, когда нашла тебя, Феникс, там, на дороге. Полумертвого. Когда узнала про Султан желаний. Но боги послали мне Еремея, а вскоре и дочь. Тогда я решила, что это ее участь, и чтобы она могла избежать такой доли, я выдала ее за тебя. Потому что знала, сколько ты ее ждал. Знала, как ты ее любишь. Как будешь беречь! И надеялась, что за детками у вас дело не станет. А Пепельному не нужен порченный товар, ведь на меня, после того, как родилась Василиса, он так и не позарился.

– И ты решила, что ребенок, которого носит Василиса... от Пепельного?! – Боже, какой бред! – Тогда объясни, как такое могло бы случиться?

– А ты на себя давно в зеркало смотрел? – Она нахмурилась, буравя меня взглядом. – Или забыл, как тебя корежило, после того, как ты спер то проклятое кольцо? Как оборачивался, на время становясь близнецом Пепельного? Вася сама мне призналась, что не знает, кто был с ней в ту роковую ночь. Ты или Пепельный. Вот и подумай! Было ли такое, когда ты оставлял ее одну? Мог он воспользоваться случаем и выдать себя за тебя? Легко! Ты же вылитый он! Особенно теперь. К слову, давно это ты так изменился?

Но я ее не слушал.

– Исключено! Ты должна знать, что Пепельный сжигает все, к чему прикоснется. – Я поднялся, не в силах сдерживать переполняющий мою душу ад.

– Да! Так и было, до недавнего времени. А Избранная, на то она и избранная, что сможет принять его ласки и его семя!

– Ты ошибаешься! – Пришло время открыть мою тайну. Надеюсь, эта новость ее успокоит? – Если Василиса беременна, то она носит моего ребенка! Потому что ты – права! Пророчество – сбылось! Я – настоящий властелин подземного мира! Я, а не Пепельный! Он украл у меня царство. Забрал мою внешность! Но мой народ и мою семью он не получит!

– Ты – Властелин Лихомани? – Мафания насмешливо фыркнула. – Ошибаешься! Ты – бродяга и никудышный колдун! Когда мы с тобой встретились, ты и колдовать-то мог через раз! А теперь я вижу, у тебя еще и мозги набекрень? Не мудрено, после каникул у Пекельного. Оставайся! Я тебя вылечу. А Василиса.... Если она сейчас не с тобой, значит она с ним. Вот и все. Пророчество действительно сбылось! – Она вдруг замолчала, всхлипнула, и протянула по-бабски: – Может, когда-нибудь я еще увижу мою деточку.... Смирись, Феникс, как я смирилась. Она теперь не твоя!

Я принялся мерить шагами комнату, затем остановился возле помалкивающего Захара, и, глядя в глаза Марфе, тихо произнес.

– Да. Он забрал ее, но он отпустит Василису, как только я вернусь в Лихомань.

– Отлично! – Марфа насмешливо хлопнула в ладоши, услышав мое признание. – И что ты намерен делать? Снова попасть в его рабство? Или быть уничтоженным?

– Мне все равно! – выдохнул я, опускаясь на диван. – Если для того, чтобы вернуть любимую, мне нужно будет на веки стать его рабом, я стану. А для начала... я намерен как следует испортить ему жизнь, поэтому, я и пришел к тебе. Мне нужно кое-что узнать.

– Спрашивай! – Глаза Марфы заинтересованно блеснули. Я уже было открыл рот, но тут дверь распахнулась от могучего пинка, и на пороге появился Еремей.

– Секретничаете?

– Ни боже мой, любимый! – Мафания украдкой покривилась и тут же елеин попросила. – А не сходишь ли ты на кухню? Попроси повариху подать обед сюда. И обязательно возвращайся. Хотя тебе, наверное, будет скучно от наших разговоров...

– Еда! Эт хорошо! Сам пожрать, гм... – Он оглядел нас и поправился: – Сам бы отужинал с глубочайшим удовольствием. – И добавил, прежде чем громко стукнуть дверью. – Ладно, лентяи! Пойду, проверю ужин. А заодно и потороплю.

Едва за ним закрылась дверь, как в глазах Марфы снова блеснуло любопытство.

– Так что тебе нужно знать?

– Дорогу. Мне нужно узнать, как добраться до гидайского города Ли Сий. В нем, на самой вершине Лысой горы стоит поднебесный храм.

– О, как! – Марфа нахмурилась. – А зачем тебе туда?

– В этом храме живет тот, кто знает, где взять, или как сделать Живительный эликсир, – пояснил я.

– Кто-то помер? – заботливо обеспокоилась Мафания.

– Он нужен для того, чтобы никто НЕ помер! – отрезал я.

Если она считает, что я спятил, и не поверила в мои слова, то так тому и быть!

– Понятно! Не хочешь говорить? – догадалась она, и махнула рукой. – Да и ладно. Сейчас поужинаем, а потом я дам тебе карту. Карта, сам понимаешь, волшебная. Если захочешь узнать дорогу, или адресок точный, просто коснись названия города, али местности. Ну и интерактивное зеркальце дам, на случай, если заплутаешь....

Угу. На случай, если ей захочется за мной проследить....

Василиса

На пороге замер русоволосый мужчина в шитом золотом белоснежном костюме, поверх которого хлямидой висел серый плащ. Боже, как больно видеть любимые черты Никиты и знать, что под ними скрывается тот, кого ты всеми фибрами души боишься и ненавидишь. И серые глаза, в отражении которых я привыкла видеть любовь и счастье, теперь смотрели жестко и равнодушно.

Домовой скорчился в поклоне.

– Господин... Я принес пленнице завтрак. Позвольте теперь удалиться?

– Позволяю. – Пепельный даже не посмотрел на него. Не сводя с меня глаз, он шагнул ближе, а Василий, еще раз бросив сочувствующий взгляд, улизнул в закрывающуюся дверь.

От ледяного любопытства, царившего в его глазах, мне сделалось неуютно. Я забралась на кровать, отползла подальше и стала наблюдать как он, с кошачьей грацией хищника, подходит все ближе.

Наконец, когда до кровати оставался шаг, он остановился, улыбнулся одними губами и поинтересовался.

– Надеюсь, мою гостью все устраивает в этом скромном жилище?

Интересно, что будет лучше: объяснить, куда ему пойти со своей заботой, или попытаться втереться в доверие?

– Вполне. – Я снова отодвинулась. – Но сразу напрашивается два вопроса. Первый, зачем я в этом «скромном жилище», и второй – а окна в твоём жилище не предусмотрены?

– Не думаю, что принцессу удовлетворит то, что она увидит из окон. Мое царство далеко от совершенства. – Пепельный, наконец, сделал последний шаг, и по-хозяйски уселся на кровать.

– И все же, любая картина реального мира лучше, чем старые гобелены, скрывающие каменные стены, – парировала я, на всякий случай отползла еще, и почувствовала чугунную спинку кровати. – А как же ответ на первый вопрос?

– Мне, казалось, ты слышала наше прощание с твоим разлюбленным супругом. Там.... В царстве мертвых... – Идеально очерченных губ снова коснулась снисходительная улыбка, и от вида появившихся на щеках ямочек, я окончательно взбесилась.

– То есть, я буду здесь до тех пор, пока мой муж окончательно не сойдет с ума, и не решит добровольно покончить с собой, придя к тебе в гости? – Я отбросила одеяло и прыгнула с кровати на выдавший виды ковер. – Ну, так я тебе гарантирую – этого не произойдет! Никита не настолько....

– Глупый, ты хотела сказать? Или влюбленный? А разве это не одно и то же? – Пепельный, вместо того чтобы подняться, как того требует этикет, как ни в чем не бывало, разлегся на кровати, удобно подперев кулаком щеку. – А, по-моему, в нем как раз таки сочетаются эти два порока. Я уверен, что он придет за тобой. Остается только ждать.

И тут я не выдержала. Подхватила подушку, и со всей дури запустила в его надменное лицо.

– Что тебе от него нужно? Зачем мы тебе? Неужели еще не надоело издеваться? Да чтоб тебя...

Звук его тихого, бархатного смеха заставил меня подавиться проклятием. Я готова была к чему угодно: к ярости, к издевательствам, но смех...?

– Ты неподражаема! – Он отбросил подушку в изголовье и рывком поднялся. Подошел ко мне так близко, что я почувствовала его горячее дыхание. – Теперь я понимаю Феникса.... Обладай я тобой, я бы тоже отдал все, чтобы ничто не угрожало любимой.

– К счастью, ты – не он! – Я вскинула голову, смело глядя ему в глаза, на дне которых плясали язычки пламени.

– Ты уверена? – Его пальцы осторожно коснулись моей щеки. Я почувствовала жар и отпрянула.

– Что тебе от меня нужно?!

– А ты не поняла? Я всего лишь пригласил тебя в гости, чтобы скрасить мои скучные дни, на время ожидания твоего благоверного. – Он вдруг развернулся и направился к двери. Несколько секунд я оторопело смотрела ему в спину, и бросилась следом.

– Подожди!

Он остановился.

– Я обязательно должна здесь оставаться? Мне плохо тут! В этом подвале!

– Это не подвал. – Пепельный нехотя обернулся, и окинул взглядом мое жилище. – Это спальня Феникса. Когда я прибыл в этот... дворец, я провел здесь много времени, чтобы понять всю несправедливость, которая выпала на мою долю. А окна... Поговори с домовым, если хочешь увидеть все убожество этого края... Не мне тебе мешать.

– А ты не боишься, что я смогу убежать? – Я подбоченилась. А чего? Пусть знает наших! Но он только обидно усмехнулся, и вышел из комнаты, тихо хлопнув дверью. – Вот, зараза!

Я даже топнула ногой.

Как же он меня бесит!

Затем до меня начало доходить. Спальня Ника? Этот подвал? Хотя, если это не подвал, то за серыми камнями должны прятаться окна! Василий, конечно же, мне поможет, но когда, на этот раз, он соизволит зайти ко мне? А может, мне самой его поискать? Дверь моего жилища, Пепельный, вроде лишь прикрыл. По крайней мере, я не слышала лязга закрывающегося замка.

Но мои надежды разбились в прах, когда я пару раз безуспешно толкнулась в дубовую дверь. Как будто и не дверь вовсе, а стена!

Ладно!

Я огляделась и направилась к гобеленам, за которыми прятались бывшие оконные проемы. Провела по шершавым камням, понимая, что без помощи Василия я белого света не увижу. Хоть в голос вой! А может... Я еще раз окинула комнату внимательным взглядом и насторожилась, заметив под кроватью что-то похожее на сундук.

А вдруг там есть что-то, что поможет мне вытащить из кладки хотя бы камень? Подбежав, я какое-то время мучилась с тяжелой находкой, пытаюсь вытащить ее из-под кровати, пока, наконец, мои усилия не увенчались успехом.

Но когда я откинула крышку, меня ждало разочарование. Сундук оказался забитым старыми дневниками, исписанными изящным почерком. Пролистав несколько дневников, я разочарованно полюбовалась на незнакомые слова и вернула дневники на место.

Знать бы еще, что там написано! Хотя если было бы что-то серьезное, вряд ли Пепельный оставил бы эти записи. Впрочем... какой умник их прочитает?

Я уронила тяжелую крышку, скрывая находку, и разочарованно уселась на кровать. С ума можно сойти! Даже заняться не чем!

– Эй, Васи-и-или-и-ий! – Тихонько позвала я, даже не надеясь на ответ, но неожиданно дальний гобелен шевельнулся, и из-за него выглянуло розовощекое лицо домового.

– Ушел ирод? А я тут мимо проходил.... Решил снова зайти, узнать, не нужно ли чего? До меня начало доходить.

– Мимо проходил? За стеной? Но... дверь – там!

– Двери, это всего лишь облаченные в форму пути, чтобы смертным было легче их увидеть... – загнул тот и заговорщицки мне подмигнул.

– Там потайной ход?! – Я прыгнула с кровати и подбежала к прячущемуся за гобеленом домовому. Отдернула расписанную неведомыми баталиями ткань и уперлась руками в серый камень. – Но....

– Не нокай. Не запрягла! – Василий торопливо засеменил на середину комнаты. Остановился. – Так чего звала?

– Так ты меня услышал?

– Нет, увидел! Рукой махнула, я и пришел. До чего, вы, жители Лукоморья, такие наивные? Это же тебе не ваш топорный мир, где вы магию для разведения надувной живности используете! Это – Лихомань! Здесь магией с рождения дышат! Почему, думаешь, Пекельный сразу не поперся в Лукоморье, а обосновался здесь?

– Потому, что там бы он сгорел?

– Возможно и так. А еще ему нужен был тот, кто дал бы ему власть над магией этого мира.

– Феникс?

– Вообще-то, как я теперь понимаю, он рассчитывал на встречу с его родителями, но к тому времени они уже ушли. А куда – неведомо. Остался Феникс и его сестры.

Он указал на гобелен, где были изображены четыре диковинные птицы.

– Феникс, Сирин, Алконост и Гамаюн. Сестрицы оказались дамами разборчивыми и сразу показали этой обгорелой роже, где у нас тут лес, а вот Феникс отчего-то почувствовал в нем родственную душу. Чуть не от радости прыгал, что обрел друга. Начал учить его всем премудростям... Ну и допрыгался. Пекельный оказался не так прост, и с помощью какого-то черного заклятия забрал у Феникса силу и спрятал ту силу в колечке... – Домовой постариковски вздохнул и отвел глаза от гобелена. – Ну а дальше ты знаешь....

– Знаю... Никита смог украсть кольцо и выбраться из Лихомани, но уже не помнил кто он такой, кто такой Пепельный и зачем ему то кольцо... – Я в задумчивости подошла и встала рядом, разглядывая гобелены. На одном были изображены мужчина и женщина, а над ними все те же птицы; на другом, прекраснейший край с лесами, реками, лазурными небесами, в которых парил огненный феникс. И еще три картины, на которых во всей красе были изображены три птицы. Черная, белоснежная и птица, в которой сияли все краски радуги. – А это его сестры? Где они?

Василий обреченно махнул рукой. Помолчал, и все же произнес.

– Спят. Мертвым сном. Опоил их, убивец, каким-то зельем. До сих пор гадаем, сможет их Феникс к жизни вернуть, али нет.

– Да уж... Тут бы, как бы, он бы сам бы, ее не потерял... Бы!

– Да уж... были, аль небыли в былинной были.... – выдал домовый, явно передразнивая меня и сменил тему. – Так чего звала-то?

– Пекельный велел тебе сказать, что я окна желаю открыть, каменюками заваленные. Поможешь?

– Каменюками? – Василий нахмурился. – Ты видишь камни? Вместо окон?

– А что видишь ты? – подозрительно нахмурилась я. В памяти нарисовалась картинка. Я, Борька и огромный каменный забор, который ограждал хоромы Никиты... когда после свадьбы я очень захотела сбежать. А после, как я толкательно-пихательным путем выясняла, что никакого забора нет. Точнее каменного нет, а стоит обычный частокол – дунешь, упадет! Может и тут нечто подобное? – Камни вижу только я? Да?

– Ну... я точно вижу пыльные стекла, серое небо и темно-серый снег. – Домовой помянул меня к себе. А когда я наклонилась, закрыл мои глаза пухлой ладошкой. Что-то пробормотал и приказал. – А теперь я уберу руку, и ты тоже увидишь пыльные стекла, серое небо и темно-серый снег. Раз... Два....

«Три» не последовало. Обретя возможность видеть реальное, я бросилась к оборванному гобелену, за которым, как оказалось, скрывалось все, точь в точь описанное Василием: пыльные стекла, серое небо и темно-серый снег.

Глава третья

Феникс

Ужин прошел в натянутой обстановке. Марфа сидела мрачная как туча, неохотно ковыряясь серебряной вилкой в жарком, поданном на фарфоровой тарелке, Захар односложно отвечал на вопросы захмелевшего Еремея, который словно и не заметил царившей за столом атмосферы: пытался шутить со служанками и даже пару раз попытался затянуть песню про мороз.

Нет, с одной стороны Марфе повезло. Ну что было бы если бы она влюбилась в того же Захара? Мечтатель, философ, зануда. Да сбежала бы она от него или померла от скуки. А так, и романтика с большой дороги, и при положении, ну и главное достоинство – не пытается соперничать с Мафаней в плане мудрости. Да и куда ярмарочному воришке до принцессы из рода Примудрых?

Задумавшись, я даже не услышал его вопроса:

– Так что делать думаешь, Феникс?

– Что? – Я взглянул на Еремея.

– О чем задумался, говорю, сокол наш ясный? – ухмыльнулся он. – Не о планах ли на будущее?

– И о них тоже. – Не стал отнекиваться я. Только не уточнил, что планы уже обдуманы на триста раз. Теперь о них не думать, их делать надо!

– А чего надумал? – не отставал он. – По поводу доченьки моей единственной, а?

– Верну я ее. Не переживай, государь. – Я стиснул зубы. Вот надо же было на больную мозоль наступить и несколько часов на ней выплясывать. Видать с Мафаней эту новость не раз успели обсудить!

Стоп!

Время замедлилось.

А когда они узнали? И от кого? Ведь когда Марфа приняла меня за Пепельного, она попросила вернуть ей Василису и забрать себе ребенка! Неужели?! Как она могла сговориться с моим врагом за моей спиной?! Неужели она настолько не верит в меня?

– Верну! – Еще раз повторил я, взглянув Марфе в глаза. В ответ та невинно улыбнулась.

– Вот и славно! А давай, затек, мы с тобой за это и выпьем!

– Вот это дело, мать! – оживился еще больше Еремей, и поднял бутылку с самогонкой. – Чистый продукт! Проверено!

– Нет! – та поспешно вскочила. – За успех надо пить другое! Пойду, принесу вино двадцатилетней выдержки! Мой отец его поставил в год, когда была зачата Василисушка. Эх...

Шурша юбками, Мафания вышла за дверь.

– Страх Марфы всегда заключался в том, чтобы не потерять единственного ребенка, – заговорил вдруг Веха. – Она боится повторить участь своей матери. Ведь когда погибла ее старшая сестра, королева сошла с ума. Финал вы знаете...

– Она бросилась на камни дворцовой площади. – мрачно кивнул Еремей. – После этого Мафания и переселилась в ведьмин домик. Много воды утекло, пока она меня и себя простила, и согласилась вернуться во дворец...

– Поэтому, не надо ее винить в том, о чем ты думаешь, Ник. – Захар посмотрел на меня в упор. – Она не считает это своей виной. Зато угадай, кого она считает виноватым?

На этих словах дверь открылась и в залу вернулась королева, бережно держа в руке, затянутый в черный бархат кувшин.

– Ну... кому налить? – Она остановилась и с улыбкой оглядела нас. Еремей почему-то побледнел, икнул и отчаянно затряс головой.

– Не! Только не мне! Градус понижать – похмелье наживать.

Захар долго смотрел на кувшин и наконец решил.

– Я так долго был в забвении, что не хочу тратить ни секунды реальной жизни... И потому отдаю предпочтение чистой воде, как и до твоего предложения, Марфа. Но это не потому, что не желаю возвращения твоей дочери...

– Да с тебя и взятки гладки, малахольный! Сколько тебя помню, ты всегда отдавал предпочтение воде! – отмахнулась Мафания, и шагнула ко мне. – Ну, Феникс, за тебя, мою дочь, и твое слово!

Я смотрел, как пузатый бокал наполняет жидкость цвета крови и уже знал, что все не просто так. Просто знал! Все ингредиенты этого вина сложились в таблицу: вишня, немного миндаля, мед, трава чабера и... цветки лунной лилии. Той самой, от которой впадаешь в забытие на очень долгое время. Как-то раз, мы с Василисой имели возможность спасти от этой напасти жителей целой деревни...

Как давно это было...

– Ну что, зятек? За сбычу мечт?

Передо мной, в руке Мафании призывно закачался бокал.

Подготовилась... Кровавик камень не редкий. Да и цветки лунной лилии не смертельны. Главное принять противоядие до того, как ляжешь спать. Это в идеале. Сейчас у меня нет кровавика, а сообщать Марфе о том, что я знаю ее коварные планы, почему-то не хотелось. Явно не зря она все это затеяла.

Взяв бокал, я криво улыбнулся, глядя в глаза Марфы.

– За то, что произойдет, мечтаем мы об этом, или нет. – И одним глотком осушил бокал.

– Вот и славно! – Она поднесла бокал к губам и развернулась, направляясь к своему креслу. – Ох, и крепкое вино получилось. Боюсь, не осилю!

Марфа вылила бордовую жидкость обратно в кувшин и поставила опустевший бокал на стол.

– Главное, что я осилил... – Не хотелось этого говорить. Само вырвалось. Внутри сплелись в один комок равнодушие, обида и пустота. Вселенная пустоты! И Марфа, Захар, Еремей... все эти люди стали бесконечно чужими, а в голове засел вопрос: что я тут делаю? Время уходит, как песок сквозь пальцы...

Я поднялся.

– Марфа... Ты обещала мне карту...

– Обещала! – тут же подскочила она и засуетилась рядом. – Но может лучше завтра? Пойдем, я провожу тебя к твоим палатам. Выспишься, отдохнешь... А завтра я тебя и провожу.

– И я пойду с ним. – Поднялся Захар. – Постели нам, Мафанюшка, в одних палатах.

На миг в глаза Марфы мелькнуло сомнение, и тут же на губах появилась заботливая улыбка.

– Конечно. Как знаете!

Палаты достались нам почти что царские.

– Это Василисы спальня, – пояснила Марфа распахивая перед нами двери. – Я бы вас в гостевые отвела, да там уже сто лет никто не прибирался. Пылюги – тьма!

– Мы согласны переночевать тут! – прервал я ее оправдания. Предчувствие, что все не просто так – усилилось. – До завтра!

– Угу! – обрадовалась она. – Если чего нужно – все к вашим услугам. Слуг колокольчиком можно позвать, или в окно крикнуть. Наша спальня как раз под вашей.

Проводив Марфу взглядом, мы с Захаром шагнули в палаты принцессы.

Они состояли из двух комнат. В первой стоял стол и два кресла, а так же имелся балкон, точнее метровый выступ, идущий вдоль всего этажа. У спальни Василисы он ограждался резным заборчиком, на котором вился вьюн, доверчиво поднимая лепестки к небу.

Спальня состояла из одной выкрашенной в белый цвет комнаты, в которой помещалась здоровенная кровать с балдахином да на окне цвели буйным цветом герани. А еще в уголке стоял сундук. Запертый. Жаль.

Я устало опустил на кровать. Огляделся.

Даже не верится, что именно здесь, почти всю свою жизнь жила та, о ком я мечтал. Мечтал, даже когда ее на свете не было. Мечтал и ждал...

– Феникс... – Захар заглянул ко мне, помялся у двери и решительно подошел. – То, вино... Тебе стало плохо именно из-за него...

– Мне неплохо...

– ...потому что в нем... Что? Как? – До Захара дошло. – И тебя не клонит в сон? Нет головокружения?

– Нет, – я усмехнулся, глядя как на его лице, отображаются все оттенки искренней обиды, словно его обманули. Пообещали леденец и не дали. – И я знаю, что в вине Марфы была Лунная лилия.

– Но зачем же ты его пил?! – Веха сел рядом со мной на кровать. – У меня даже нет кровавика, чтобы тебе помочь...

– Захар... ты... Что ты помнишь из прошлого? – вместо ответа спросил я. – Нашу встречу в мире Мертвых помнишь? Или книгу Страха? Ты тогда сказал, что в ней много чего интересного написано.... Значит, ты ее читал. Ты помнишь что-нибудь из этого?

Веха испуганно нахмурился и когда до него дошел смысл вопроса, вдруг замотал головой.

– Ничего! Ничего не помню! Ворона только. А еще Марфу и родичей! И все! Ничего больше!

– Да ты успокойся! – Я сжал его руку. Холодную. Влажную от волнения. Или страха? – Просто покопайся в памяти. Она же не плоть, не истлевает. Если что-то знаешь, это навсегда. Даже перерождения не всегда блокируют память, а ты не переродился. Ты воскрес! Понимаешь?

– Нет! Я ничего не знаю! Вообще! – дернулся парень. Но я сцапал его и за вторую руку. Почти силой заставил успокоиться и попросил.

– Посмотри мне в глаза. И говори все, что придет на ум. Говорят, это помогает...

Несколько мгновений Захар старательно отводил от меня взгляд. Могу его понять. Смотреть на такое обожженное страшилище – то еще удовольствие.

Наконец он словно решил, и серьезно уставился мне в глаза. Какое-то время он молчал, а после заговорил.

– Когда сойдутся в ряд четыре звезды, родятся четыре ребенка. Прелестных, как эти звезды. Они будут наделены силами огня, воды, воздуха и земли, чтобы править миром. И будет их правление вечным, если только в душу одного из них не проникнет одиночество. И призовет он к себе того, кто родился под светом черной звезды. И отдаст он ему всю свою любовь и дружбу. А после этого будет низвержен, лишен силы и памяти данной ему создателями. Так будет до тех пор, пока страх, одиночество и смятение будут прибывать в его сердце. До тех пор, пока очищающий огонь не сожжет его сердце дотла. И тогда будет повержен сын черной звезды, поселивший в нем этот мрак. Ой!

Захар часто-часто заморгал, словно приходя в себя.

– Это... что это я такое сейчас сказал?

– Судя по всему, какое-то пророчество... – хмыкнул я, сам пытаюсь переварить услышанное.

– Нет! Это... Это... – глаза парня закатились, руки задрожали, а тело выгнулось дугой. На губах показалась пена. Не придумав ничего умнее, я навалился на него, с силой разжал зубы и сунул в рот уголок цветного покрывала. Надеюсь, Василиса мне простит.

– Захар, это всего лишь твои страхи. Их больше нет! Теперь нет! Ты жив и проживешь долгую и счастливую жизнь! Открой все воспоминания. Это нужно тебе! И только тебе! Чтобы ничего не осталось в темноте разума, вызывая страх!

Я почти кричал.

Надо же, как не вовремя я захотелось проверить слова жителей Лихомани, Ифрита и Ворона. Все они что-то не договаривали, отделиваясь полунамеками. Вот и подумалось, если я действительно обладаю возможностями и силой, на которую они намекали, то смогу заставить Веха вспомнить из Страхы хоть что-нибудь. Ведь читал! И наверняка знает то, что меня интересуется!

Знал.

Захар еще пару раз дернулся и обмяк. Последний вздох сорвался с губ.

«Нет! Только не снова! Только не он! Ворон, ты обещал что поможешь! Прости, что снова обращаюсь к тебе, но я знаю что ты меня слышишь! Я никак не ожидал, что дойдет до смертоубийства! Как мне воскресить его? Он не должен умирать!»

На миг мне послышалось, как в эту безумную молитву, вплелось хриплое карканье, и голос Ворона весело произнес: «Просто пожелай, Златокрылый! Ты – мир! Только пообещай, что и это доброе дело мне зачтется, и не беспокой больше меня по пустякам!»

– Что?! И это все? – Я даже оглядел пустую комнату, словно этот птицеголовый стоял у меня за спиной. Перевел взгляд на безжизненное тело Захара, затем вцепился ему в плечи и со всей силы затряс. – Нет! Я тебя спас! Ты не должен умирать! Ты должен жить! Ты нужен мне, Захар! Живи!!!

Тихий кашель мне показался галлюцинацией, а затем голос Захара простонал.

– Ник, прошу! Оставь меня в покое! Если я упал в обморок, это не значит, что меня нужно еще и до кучи придушить!

Я отстранился во все глаза, глядя на живого товарища. Нет! Только не обморок. Он не дышал. Посинел как цыпленок и сердце не билось. Уж после стольких лет путешествий наемником научился различать кто живой, а кто нет!

– Ты что-нибудь вспомнил? – Я не отводил от него взгляд.

– А что ты хочешь знать? – Веха наконец-то отдышался и теперь с кривой улыбкой смотрел на меня. – Как я учился? Или может, как прохлопал книгу Страхы? Хотя нет! Тебе наверное интересно как меня сожрал Ворон и я бесплотным призраком ждал того дня когда придешь ты? Хотя если честно, ничего я не ждал. Тогда я знал, что моя жизнь закончена. По крайней мере, та, прошлая жизнь.

Ух ты, а эксперимент-то удался! Вот интересно, сказать ему, что прошлых жизней у него уже целых две, или не надо? Вместо этого я уточнил.

– Книгу Страхы! Ты вспомнил что-нибудь оттуда? Ты ведь ее читал, я знаю!

– Читал? – Захар вдруг искренне расхохотался. – Истинный Хранитель Страхы знает каждую строчку книги наизусть!

Я прищурился, вглядываясь в его счастливую физиономию.

– Ты – истинный хранитель Страхы?

– Кстати... – Он поднялся, выглянул в окно, полюбовался на закатное небо и, обернувшись ко мне, тихо спросил. – А где книга-то? Если ты спрашиваешь о том, что в ней, точно не у тебя...

– Она у Пекельного. – Выдохнул я, отвел взгляд и едва слышно добавил. – Вместе с Василисой. Поэтому... мне очень нужна твоя помощь!

– Узнать, что боится Пекельный? Или ты? – Захар старательно закрыл ставни, и, помавив меня за собой, вышел из спальни.

– Вообще, все, что касается нас двоих, – попросил я, садясь в кресло.

Захар закрыл дверь в спальню и тихо проговорил.

– Не хочется, чтобы этот разговор слышал кто-то еще. Хотя ничего из того что ты не знаешь я тебе не поведаю. То пророчество, или легенду, что я рассказал тебе чуть раньше, можно найти в твоей Лихомани, я уверен. Хотя, уверен что Пекельный уничтожил все труды вашей семьи. Ведь цель его ясна. Он хочет стать тобой и вдогонку получить этот мир, семью ну и, конечно же, Василису.

– Почему? – Огненные язвы, с которыми я почти научился справляться, вновь прорвали кожу на руках, освещая наши посиделки не хуже свечей. – Зачем ему она? Я думал, что он взял ее с собой, чтобы быть уверенным в том, что приду я.

– И это тоже! Но ее он забрал еще и потому, что взяв часть твоей сущности, он взял и часть твоих чувств. Понимаешь? Грубо говоря, она ему теперь не безразлична. А если предположить, что он прочел как справиться со своим страхом, так и вовсе – желанна!

– Что ты несешь?! Он – нелюдь! Он ее убьет! – Вскочил, даже не понимая, что в сумрачной комнате стало светло как днем, и попытался справиться с охватившей меня дрожью. – Жарко! Открой ставни!

– Ставни тебе не помогут, Феникс. Это твоя сущность просыпается. Вместе с твоими чувствами и твоей памятью. Как ты меня совсем недавно учил? Память – навсегда?

– Откуда этот свет?!

– Огонь солнца, что живет в тебе, рвется наружу. Твои язвы, это не язвы Пепельного. Его, огонь этого мира, сжигал, тебя – возрождает! Но... Прошу... Успокойся, Ник. – Захар подошел ко мне, осторожно взял за руку, и повел назад, к креслу. – Ты только устроишь здесь пожар, но вызвать свою изначальную сущность у тебя не получится...

Сияние начало таять, и все же полумрак не вернулся в комнату до конца. Он тянул к нам свои щупальца, но скрыть собой не мог. Мягкое свечение, от моего, как сказал Захар, возрождающего огня, точно куполом накрыло нас двоих.

Ладно. Действительно надо успокоиться и наконец-то узнать все!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.